

Виталий Широчанский

ПЕРВАЯ ИКОНА

Виталий Широчанский

ПЕРВАЯ ИКОНА

«Автор»

2026

Широчанский В.

ПЕРВАЯ ИКОНА / В. Широчанский — «Автор», 2026

Этот рассказ — о том, как громкие лозунги рассыпаются в пыль рядом с простым, почти беззащитным человеческим чувством. О том, как в эпоху перемен опорой становится не крик, а тихое прикосновение к тому, что дорого. О людях, которые в мире, теряющем очертания, держатся за самое сокровенное — и в этом находят силу.

© Широчанский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виталий Широchanский

ПЕРВАЯ ИКОНА

Глава 1

ПЕРВАЯ ИКОНА

Рассказ

12 апреля 1936 года

Замершая до этого толпа вдруг заметно оживилась. Два расторопных мужичка в промасленных робах явно нездешние, скуластые начали громко выкрикивать бессвязные лозунги, и даже порывались собрать митинг по случаю. Матерясь и охая, они влезли как на трибуну, на перевернутую разбитую лодку, но никто не обратил на это внимание, никто не слушал. Грузный, благообразный старик, укутанный в полуистлевшие тряпки поверх модного, когда то пальто, мелко крестился и шептал что то, далеко вытягивая шею. Женщина с ребёнком на руках, поймав изучающий, пытливый взгляд лейтенанта отвернулась. Уголком шерстяного платка накинутого на плечи она старательно прикрывала свой искривлённый в тихой злобе рот.

Шумными стайками откуда-то все прибывали и прибывали согнутые пополам старухи и чумазая детвора, которой не терпелось поглядеть на развороченную взрывом церковь.

Начался дождь. До этого казалось, что дремлющая целый век в старых стенах пыль, тяжёлая, жирная, будет оседать вечность. Но хватило нескольких секунд и ноздреватые снежные заплатки, ещё оставшиеся в изъеденных ветром оврагах истоптанные множеством ног, исчезли под толстым слоем цветных фрагментов краски церковной росписи, щепок, под градом отбавивших комьев земли.

Высоко в небе кружили немногие уцелевшие после взрыва голуби, устроившие, когда то свои гнезда на церковной колокольне. Лейтенант абсолютно невозмутимо наблюдал за ними, стянув с головы суконный шлем. Рядом суетился колхозный сторож, вилами пытающийся поддеть падающих в воду растерзанных птиц.

Местный агроном на разъезжающих в грязи ногах, пришёл, таща за собой сплюсненную медную купель и причудливо погнутый велосипед отца Алексея. Оказалось, что взрывной волной велосипед отбросило к дощатому сараю местной почты стоящей неподалёку, где он, оборвав провода радиоточки и отогнув порядочный кусок кровельной жести, застрял в чердачном окне.

Сам же священник в прожжённом на спине ватнике одетом поверх рясы не без посторонней помощи только что выбрался из озера. Съёжившийся от холода он молча стряхивал со спутанных мокрых волос осколки витражных стёкол.

Только что, скованный судорогой, этот не старый ещё мужчина с трудом держался на воде, хватаясь то за плавающие балки, то влезая на податливые быстро идущие ко дну тюки сена, выброшенные взрывом из церковной конюшни. Глаза его совершенно безумные наливались кровью он почти не успевал вдохнуть воздуха, захлёбывался. Наконец кто-то из колхозного начальства протянул гибнущему человеку длинную сосновую жердь и, поднатужившись, вытащил его, цепляя по пути, случайно подвернувшиеся куски дымящегося рубероида и расколотую надвое оконную раму.

Лейтенант недовольно отметил про себя что каменный, высокий фундамент деревянной церкви, обложенный красным кирпичом, почти не пострадал. Хозяйственные пристройки тоже уцелели, только выглядели теперь освежёванными из-за снесённой взрывом белоснежной штукатурки.

Внушительный, опутанный стальными тросами, когда то удерживающими на его вершине крест, купол, был похоронен теперь под грудой брёвен.

Можно считать справились. Лейтенант ещё раз мимоходом оглядел разрушенный им храм, и быстро насколько позволяла раскисшая топкая земля под ногами, пошёл по направлению к больничным саям, куда местные активисты угодливо положили узелок с тёплым ещё хлебом и брусом маргарина. Там не теряя времени два красноармейца, дожидаясь возницу, старательно закрепляли груз. Под перекрещенными верёвками бугрился намокший брезент.

11 апреля 1936 года

Грунтовая дорога все время уходящая вправо и от этого казавшаяся бесконечной, идущей по кругу не на шутку испытывала полудохлую клячу.

Лошадёнка была впряжена в новенькие сани высоко нагруженные защитного цвета ящиками. За саями плелись трое мужчин, утопая по колено в мешанине из талого снега и цепкой как старая болячка глины. Двое из них, в красноармейских шинелях с подоткнутыми по бабы полами и короткими кавалерийскими карабинами закинутыми за спину простоватые, с виду вчерашние колхозники. Третий в форме НКВД, высокий, полнеющий совсем ещё юный лейтенант. За время долгого пути он с непривычки до крови натёр ноги и тихо мучился в своих хороших, узких сапогах на модном городском ранте.

Впереди, взяв то и дело встающую лошадь под уздцы, шёл пожилой возница. Глубоко пряча голову в поднятый воротник бекеши, он выпускал оттуда целые клубы махорочного дыма. За плетёный кожаный поясок старика была засунута короткая с посеребрённой рукоятью нагайка.

Лейтенант изредка оборачивался и подгонял отстающих красноармейцев, ему хотелось успеть в намеченную им деревню к вечеру. Прихваченные с собой съестные припасы группе пришлось растянуть на два дня пути. И какого пути!

Попытки развести костерок заканчивались ничем. Поминутно срывающийся ветер с колючим ледяным дождём разметал едва начинающий тлеть хворост, и сухую припасённую специально для розжигу бересту. Если выпадала такая возможность мужчины останавливались только для того чтобы очистить налипшую грязь с себя и подтянуть верёвки удерживающие груз на саях. Устроить себе место для ночлега тоже не получалось. Чахлые рощицы, раскиданные по балкам апрельская оттепель превратила в русла бурлящих, непроходимых рек. Оставленные нерадивыми лесорубами громадные кроны деревьев похожие на тонущие парусники сбивались в хрипящие крепкие плотины, и на злосчастной дороге появлялось озеро, которое приходилось преодолевать вброд.

С первыми сумерками путники вышли, наконец, к деревне. Когда то на околице стояли каменные амбары местного помещика. Теперь разрушенные, их разбирали на нехитрые нужды деревенские жители. Улица угадывалась по немногим освещённым окнам, где то совсем рядом тарахтел бензиновый генератор установленный на Машино-тракторной станции.

Постучались в крайний дом. Хозяин вдовец, недавно присланный из города, на должность ветеринара, увидев людей в форме, не задавая вопросов, посторонился, пропуская их внутрь. В сенях загремели снятые с саней ящики. Выпряженную лошадь оставили под навесом во дворе. Просторные комнаты встретили одурманивающе едким запахом сушёных грибов и стирального в хлорке белья.

Хрупкая девочка, дочка ветеринара, на крик отца тут же бросилась хлопотать над ужином. Хозяин щедро зажёл ещё одну керосиновую лампу едва замешкавшись выставил на стол бутылку казённой водки и большую миску квашеной капусты в которой густо краснели терпкие яблочные дольки. Ели все из одного большого чугунка глухо стуча деревянными ложками.

Холодные щи и пшённая каша с подсолнечным маслом быстро насытили усталых гостей. Их заскорузлая дурно пахнущая верхняя одежда была свалена в кучу у большого цинкового корыта для стирки.

Разговорились. Ветеринар, лихорадочно раздумываясь от выпитой водки, ругал погоду, подливал гостям суррогатного кофе, не смешно шутил. Ему, конечно же, хотелось узнать, зачем его неожиданные постояльцы проделали столь трудный и долгий путь, но спрашивать было страшно. Эту далеко расположенную от районного центра деревню редко баловали вниманием приезжие. Бывало, по целому месяцу ждали злого как черт землемера, а тут целый лейтенант НКВД.

Закончили далеко за полночь. Когда убрали со стола, возница, отогревшийся у печки, поднялся, поблагодарил хозяина за ужин и, накинув на плечи предложенный ему полушубок, вышел на крыльцо. Почувств его, заржала под навесом лошадь. Не прекращаясь, моросил дождь, пахло угольной гарью и гниющим деревом.

Закурив, старик сделал несколько затяжек подряд и, задумавшись, стал прислушиваться к шумевшему далеко у озера камышу. Он помнил этот дом в котором сейчас будет коротать ночь, в котором так старался ему и его спутникам угодить словоохотливый звериный доктор. Помнил его, потому что сам, своими руками вырезал вот этих вот петушков на оконных наличниках и ставил сруб неглубокого колодца в саду рядом. В этот только что построенный дом въехала, когда то, не обременённая пожитками молодая семья его родной сестры Валечки Филатовой, а по мужу, да кто его помнит как по мужу? Много лет прошло с тех пор. В этой деревне он родился, женился, растил норовистую, черноглазую, как и сам он, дочку Ксеньку. Тогда его звали Савелием Филатовым, и это крыльцо на котором он сейчас стоял, не казалось ему так живо, обломком расколотого пополам землетрясением острова.

В доме уже спали. Филатов почти на ощупь пробрался к свободному месту на лавке, застеленной слежавшейся, пыльной овчиной, растянулся, хрустнув суставами. Рядом смачно храпели оба красноармейца в обнимку со своими карабинами. Лейтенанту хозяин выделил место на лежанке за выцветшей занавесочкой. Рядом на табурете горела оплывающая свечка.

Сон не шёл, донимали воспоминания. Они размыкали слезящиеся глаза Филатова, больно отстукивали в груди. Уставившись в потолок старик вспоминал.

Конец первой части...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.